

ВСТАВОЧНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В УСТНОМ ДИСКУРСЕ¹

А. А. Кибрик (Институт языкознания РАН), В. И. Подлеская (РГГУ)

Данное исследование является частью более объемного корпусного проекта, результаты которого будут опубликованы в виде книги Кибрик и Подлеская (ред.) 2009. Одной из основных задач этого проекта является описание грамматической структуры и просодии устного русского дискурса, относящегося к жанру личного рассказа и к бытовому функциональному стилю. В упомянутой книге мы рассматриваем наиболее частотные дискурсивные явления, встретившиеся в корпусе «Рассказы о сновидениях». Мы рады возможности посвятить данное исследование Виктору Алексеевичу Виноградову, и хотели бы отметить связь обсуждаемой здесь тематики с проблемой нормы и узуса — проблемой, которой в его работах было уделено значительное внимание (см., например, Виноградов 2003).

Согласно определению В. А. Виноградова, «узус понимается обычно как реально существующий и достаточно распространенный способ употребления языковых форм, регулируемый речевой практикой данного коллектива. Если норма предполагает кодификацию языкового употребления (самый яркий пример такой кодификации — орфография), то узус складывается стихийно и нередко идет вразрез с нормой» (2003: 143—144). В настоящее время, когда все шире распространяются корпусные подходы к языку, можно говорить о возникновении **лингвистики узуса** наряду с традиционной лингвистикой нормы. Эта работа относится к лингвистике узуса: мы наблюдаем над тем, как в естественной, спонтанной речи реализуется некоторое дискурсивное значение. Как мы увидим ниже, рассматриваемые явления в разной степени являются нормативными и в разной степени могут встречаться в кодифицированном языке.

1. Явление вставки

В устном дискурсе говорящие часто пользуются стратегией построения локальной структуры, которую можно назвать стратегией **вставки**. Вставка — это временное отклонение от маршрута изложения, выполнение некоторого побочного хода, и затем возврат к исходному маршруту. Определим вставку более эксплицитно. Пусть есть последовательность из трех дискурсивных единиц $X + Y + Z$, в которой Y — уточнение к X , а основная линия повествования связывает X и Z . Вставки различаются по двум наиболее существенным параметрам: по объему и характеристикам вставляемой единицы Y и по характеру отношений между единицами X и Z .

Вставочные конструкции широко распространены в дискурсе. Их полная классификация выходит за рамки наших задач в данной работе, но мы рассмотрим два характерных типа вставок, особенно рельефно выделяющихся в корпусе «Рассказы о сновидениях». Это два типа, для которых мы предлагаем рабочие ярлыки «сплит» и «парентеза». Одновременно с обсуждением самих этих феноменов мы предложим определенные конвенции, которые мы предлагаем использовать в **дискурсивной транскрипции** — системе последовательной графической репрезентации устной речи.

Прежде чем перейти к обсуждению типов вставок, необходимо ввести одно теоретическое понятие, играющее центральную роль в разрабатываемой нами теории локальной структуры дискурса — понятие элементарной дискурсивной единицы. **Элементарная дискурсивная единица (ЭДЕ)** — это квант устного дискурса, минимальный шаг, при помощи которого говорящий продвигает дискурс вперед. Понятие ЭДЕ подробно обосновывается в книге Кибрик и Подлеская (ред.) 2009. Здесь достаточно отметить, что ЭДЕ идентифицируются в первую очередь на просодических основаниях — при помощи таких критериев, как наличие единого тонального контура, одного главного акцента, темпового и громкостного паттернов, а также паузации. С семантико-синтаксической точки зрения прототипическая ЭДЕ представляет собой клаузу, но в особых (и нередких) случаях ЭДЕ может быть по объему как меньше, так и больше клаузы. В транскриптах устного дискурса, которые читатель увидит в примерах ниже, ЭДЕ графически изображаются как строки.

¹ Данное исследование поддержано грантом программы ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации». Работа А. А. Кибрика поддержана грантом Фонда содействия отечественной науке.

2. Сплит (разрыв)

В устном дискурсе широко распространены различные типы ретроспективных уточнений, следующих за клаузой, например:

- (1) 046z²
0.0 1. Бегала бездомная /собака,
1.6 2. ••(0.2) \большой такой \чёрный \дог.
- (2) 030z
17.4 10. И /вдруг я увидела какую-то ••(0.4) \к-коробку.
20.1 11. ••(0.3) С /бантиком \сверху.
- (3) 038z
53.1 24. и я \проснул↑ся,
54.0 25. на \самом там-м ••(0.2) интересном –месте.

В этих примерах представлены три основных типа ретроспективных уточнений. В примере (1) имеет место эхо — составляющая, дублирующая по морфосинтаксическим свойствам некоторую составляющую реализованной клаузы. В примере (2) представлено приращение — апостериорное добавление сирконстанта или атрибута к исходной клаузе. В примере (3) можно видеть парцелляцию — явление, формально похожее на приращение, но квалифицируемое как запланированное говорящим расщепление клаузы. Ретроспективные уточнения представляют собой субклаузальные ЭДЕ, то есть по своему пропозициональному объему они меньше клаузы. Подробнее о типах ретроспективных уточнений см. Савельева-Трофимова и Кибрик 2008.

Иногда случается, что говорящий не может отложить уточнение к содержанию данной клаузы до ее завершения, оно должно быть произнесено после той составляющей, к которой относится. В этом случае морфосинтаксически целостная клауза разрывается говорящим для вынужденного отхода от линии изложения с последующим восстановлением целостности. Это явление мы называем **сплитом** — разрывом клаузы на две субклаузальные ЭДЕ и помещением вставки между разорванными частями. В транскрипте первая часть разорванной клаузы завершается знаком “—” (длинное тире после пробела), а вторая часть начинается с этого же знака (с последующим пробелом):

- (4) 081п
1.6 2. •••(0.7) там какие-то ээ(0.2) /люди-и —
3.6 3. \страшные,
4.4 4. — •••(0.7) –ворва́лись в \до-ом.

В этом примере каждая из трех строк представляет собой субклаузальную ЭДЕ. Внутри сплита, в строке 3, содержится парцеллированное определение, а в строках 2 и 4 — две субклаузальные ЭДЕ, возникшие в результате расщепления клаузы. Внутри сплита может быть и более одной ЭДЕ, например:

- (5) 113п
0.8 2. •••(0.9) Вот ••(0.1) /недавно например приснилось
3.2 3. что мы по-моему-у все /вместе —
4.7 4. /я вот...
5.3 5. /—Са́ша...
5.9 6. ••(0.4) ээ(0.3) /—ма-ама...
7.2 7. — •••(0.5) ээ(0.3) /были’ ••(0.1) ’около какой-то \воды-ы,

В этом примере рассказчица решает уточнить множественный референт, введенный в строке 3, и добавляет к нему уточняющий открытый список — эхо (строка 4) и парцелляцию (строка 5). После этого, судя по хезитационной паузе, она решает продолжить список и прибавляет еще и приращение в строке 6. Лишь после этого она завершает клаузу, начатую в строке 3.

² Здесь и далее в заголовке примера указывается номер того рассказа в корпусе «Рассказы о сновидениях», из которого взят данный пример. В начале каждой строки примера указывается время ее начала в секундах (отсчитывая от абсолютного начала рассказа), а затем номер данной ЭДЕ в рамках рассказа. Числа в скобках обозначают длительность пауз в секундах. О других конвенциях дискурсивной транскрипции см. Кибрик и Подлеская (ред.) 2009.

В корпусе «Рассказы о сновидениях», насчитывающем в общей сложности 3776 ЭДЕ, представлено 44 случая сплита. При этом, поскольку внутри сплита нередко оказывается более одной ЭДЕ, количество таких внутренних ЭДЕ составило 60. Среди них большинство — 41, т. е. 68.3% — это субклаузальные ретроспективные уточнения: эхо (22), приращения (7), парцелляции (12). Следует подчеркнуть, что термин «ретроспективные» применительно к таким случаям используется расширительно: уточнение следует не за всей опорной клаузой, а лишь за ее начальной частью. Строго говоря, опорным компонентом для субклаузального уточнения, находящего в сплите, является только первая часть разорванной клаузы.

Реже встречаются случаи, когда в сплите находится целая клауза, — таких случаев в корпусе 16, например:

- (6) 030z
 10.2 6. ..(0.4) –утром —
 11.0 7. когда \мама мне /обычно /даёт ... (0.6) /попить,
 14.3 8. — ..(0.2) /она мне дала /б-бутылку,
- (7) 108n
 80.0 42. ... (0.5) {ЧМОКАНЬЕ 0.1} ..(0.3) А /потом вот эти /девочки —
 82.0 43. которые \стояли' около \двери,
 83.6 44. — ... (0.6) ээ(0.1) /вошли,
- (8) 119n
 141.6 118. я \смотрела —
 142.0 119. сидела на /крыше,
 142.8 120. — ... (0.5) в \этот,
 143.5 121. ..(0.3) \б-бинокль,

В этих примерах имеет место клаузальное уточнение к элементу разрываемой клаузы — временному обстоятельству, подлежащему и глагольному сказуемому соответственно. Внутри сплита встречаются также отдельные случаи фальстартов (незавершенных ЭДЕ) и регуляторных ЭДЕ (то есть ЭДЕ, состоящих лишь из дискурсивного маркера типа акцентированного вот).

В некоторых случаях разрывающая ЭДЕ оказывается не уточнением к составляющей разрываемой клаузы, а запоздалым уточнением к более раннему отрезку дискурса, ср.:

- (9) 043z
 79.0 41. ... (0.7) {ЧМОКАНЬЕ 0.1} Она была /'оч-чень \маленькая,
 81.2 42. так что —
 81.6 43. ... (0.6) ээ(0.3) (Как \шарик.)
 83.2 44. — ..(0.1) было /видно,
 84.0 45. '(0.2) с \другой стороны что...

В целом, когнитивное основание для разрыва клаузы на две субклаузальные ЭДЕ — это обнаружение говорящим срочной, безотлагательной потребности, не дожидаясь конца этой клаузы, произнести уточнение к уже произнесенному. При этом оценка возникающей структуры как спонтанной или, наоборот, высоко контролируемой говорящим представляется неоднозначной. С одной стороны, говорящий вынужден прервать порождаемую предикативную структуру, часто в результате того, что не сообщил необходимую информацию заблаговременно. С другой стороны, говорящий не бросает эту строящуюся структуру, а, напротив, педантично достраивает ее по завершении вставки. Можно сказать, что при сплите говорящему в целом удается соблюсти режим «идеального речепорождения» (Clark, Clark 1977) и проявить высокую степень вербального «пилотажа». Ср. в этой связи следующий пример двойного сплита:

- (10) 088n
 0.0 1. >>пошли с бабушкой —
 0.7 2. моя /бабушка,
 1.6 3. ... (0.5) тётя /Оля —
 2.5 4. моя || ..(0.1) мамина \сестра,
 3.7 5. — ... (0.5) и тётя Олина \дочь,
 5.2 6. ... (0.6) /я и \мама,
 6.3 7. — /пошлив ... (1.4) в \метро,

В этом примере рассказчица начинает строить предикативную структуру в строке 1, а завершается эта структура лишь в строке 7. При этом, правда, ей приходится продублировать часть уже озвученной структуры (глагол пошли) в завершающей части. Внутри сплита находится группа строк 2—6, в целом представляющая собой эхо к не попавшему в запись, но очень вероятному подлежащему местоимению мы в первой строке. Вставленное эхо развивается как хорошо оформленный список, но, когда рассказчица упоминает референт 'тётя Оля', она обнаруживает, что адресата надо с этим референтом познакомить, и делает сплит второго уровня вложения — это эхо, содержащееся в строке 4. Лишь после этого завершается внутренний разрыв, а затем и внешний.

Последний пример показывает также, что в редких случаях расщепляемая ЭДЕ может быть не клаузалной, а субклаузалной: ЭДЕ, содержащаяся в строках 3 и 5, — не клауза, а парцеллированная часть списка.

Как видно из предшествующих примеров, две части клаузы, возникающие в результате сплита, мы трактуем в нашей транскрипционной системе как две строки, т. е. две ЭДЕ. Эта трактовка — скорее техническое, чем содержательное решение. Понятно, что с точки зрения семантической структуры дискурса это один узел, вынужденно разделенный на две части. В работе Marcu 1999, представляющей один из вариантов теории риторической структуры У Манна и С. Томпсон (Mann and Thompson 1988), для таких случаев специально введено несемантическое отношение Same-unit, позволяющее одновременно изображать две части разрывной клаузы как отдельные ЭДЕ в риторической сети и констатировать их смысловое единство.

Сплит — это один из частных случаев вставки. В случае сплита отклонение от маршрута изложения и вставка происходят внутри одной предикативной структуры. Как и другие типы вставок, вставки внутри сплита имеют склонность к нисходящему главному акценту (в нашей транскрипционной системе обозначается символом \ перед акцентированным словом). Эта тенденция, однако, не абсолютна; и саму тенденцию, и исключения можно видеть в примерах, приведенных в данном разделе.

3. Парентеза

Еще один частный случай вставки — явление **парентезы**. Парентеза вычленяется из более широкого круга вставок сразу по двум параметрам, существенным для классификации вставок, — и по параметру объема вставляемого элемента, и по характеру отношений между окружающими элементами. В отличие от большинства случаев вставок, парентеза — это вставление **целого предложения** между **частями другого предложения** (о применимости понятия предложения к устному дискурсу см. Кибрик 2008).

Парентеза записывается в нашей транскрипции при помощи (круглых скобок). После открывающей скобки первое слово пишется с заглавной буквы, а перед закрывающей скобкой обязательно ставится один из «иллокутивных» пунктуационных знаков, указывающих на тип иллокуции (сообщение, восклицательное сообщение, вопрос, директив). Например:

- (11) 057z
 6.2 3. ..(0.4) и-и ..(0.3) мне снится /сон,
 8.4 4. (Я его вот \чётко \помню-ю.)
 9.7 5. ..(0.2) что-о' ..(0.3) д'= д'= || \ну-у руководитель /другого коллектива /подходит ко мне,

Случаев парентезы в корпусе представлено 55. Характер фрагмента, находящегося в парентезе, может быть весьма разным. Самый простой случай, показанный в примере (11), — это предложение, состоящее из одной клаузы. Таких случаев в корпусе 14, а в целом парентез, состоящих из одной ЭДЕ, — 22. Есть ряд случаев, когда парентетическое предложение состоит из субклаузалной ЭДЕ — например, приращения, как в следующем примере ³:

- (12) 129n
 91.2 40. *пытаюсь /разбудить,*
 92.1 41.(1.3) (Во \сн_е.)
 94.0 42. ... (0.6) и /вроде бы я как-то уже /проснулся,

Далее, в корпусе имеется 33 парентезы, включающих более одной ЭДЕ, например:

³ В этом примере можно видеть еще одну принятую нами транскрипционную конвенцию: если парентезе предшествует пауза, то она записывается перед скобкой.

- (13) 058z
- 0.0 1. <Так> значит мне /снится,
- 1.0 2. что я где-то на –прирооде вот,
- 2.9 3. ••(0.3) (Кажется на /даче,
- 4.2 4. но-о /я вот там ни разу не \была-а!)
- 5.8 5. •••(1.1) '(0.2) –в-во-от,
- 7.7 6. '(0.1) ••(0.2) и-ии ээ(0.4) '(0.4) \женщины две около меня какие-то /бы-ыли,

- (14) 038z
- 0.0 1. ээ(0.5) С /другом с моим ••(0.1) \самым –лучшим',
- 2.2 2. '(0.1) ••(0.3) (\Санёк.
- 2.9 3. •••(0.7) Он у меня там в \школе.)
- 4.7 4. ••(0.3) мы с ним /пошли,

Как легко видеть, в обоих примерах в парентезе имеется по две ЭДЕ, но в первом случае это одно предложение, во втором — два отдельных предложения (таких случаев в корпусе 11). В примерах второго типа в ряде случаев второе предложение является вставкой или пояснением второго уровня — пояснением к пояснению, — но в нашей транскрипции вложения скобок это не вызывает:

- (15) 090n
- 35.7 19. что' •••(0.7) «Й-если' •••(0.5) сейчас не придёт /папа,»
- 38.8 20. •••(0.5) (В общем на \ужин.
- 40.0 21. ••(0.1) Как обычно у нас в семь часов \ужин.)
- 41.6 22. ••(0.3) «не придёт на /ужин,

Части предложения, внутрь которого производится вставка, могут иметь разный статус. Чаще всего это цельнооформленные ЭДЕ — так обстоит дело во всех примерах, приведенных выше в данном разделе. Бывают, однако, случаи, когда парентеза вставляется в сплит, т. е. между частями одной расщепленной клаузы — мы видели такой случай в примере (9). Всего таких случаев в корпусе два. Таким образом, логически понятия сплита и парентезы не противоречат друг другу — они выделяются по несколько разным основаниям.

Для парентезы характерны — хотя и далеко не обязательны — следующие просодические особенности: снижение тонального регистра ((16) обозначается смещением шрифта вниз и уменьшением кегля) и увеличение темпа ((17), обозначается курсивом):

- (16) 091n
- 7.1 6. <и> вот /однажды •••(0.7) мы значит \стоим в \метро-о...
- 10.0 7. \ждём –по-оезда...
- 10.8 8. (Ну там нужно на \метро было проезжать!)
- 12.6 9. •••(1.2) ну \ждём мы –поезда,

- (17) 084n
- 39.6 16. •••(0.6) {ШМЫГАНЬЕ 0.3} '(0.2) пытался /–две-ерь запереть к парадному там...
- 43.4 17. •••(1.0) (Не \запиралась.)
- 45.0 18. потом ••(0.4) в зв= в /–звоно-ок звонил...

Эти просодические характеристики не являются свойством исключительно парентез, они типичны и для других типов вставок — ср. случаи сниженного регистра при сплите в примерах (4), (7) выше. В работе Гавриленко 2004, основанной на дикторском чтении письменного текста, были обнаружены в целом те же просодические свойства вставок, что выявляются в нашем спонтанном дискурсивном материале⁴.

Вставка, необходимая при временном отходе от основной линии изложения, не всегда артикулируется говорящим как отдельное предложение. Признание вставки предложением (и тем самым парентезой) или единицей меньшей, чем предложение, является главным образом результатом просодического анализа, см. Кибрик 2008. В случае если вставка не является парентезой, в скобки она не заключается, начинается со строчной буквы и завершается не иллокутивным пунктуационным знаком, а знаком, указывающим на незавершенность иллокуции — как правило, запятой. Так, в

⁴ Просодические признаки вставок в различных языках нуждаются в серьезном исследовании. Для английского языка некоторые из таких признаков описаны в Dehe, Wichman 2007.

следующем примере каждая из двух ЭДЕ, входящих во вставку, содержит восходящий главный акцент (/), свидетельствующий, что конец вставки не является концом иллокуции:

- (18) 101n
44.9 20. ээ(0.3) 'и когда я \хочу ... (0.7) мм(0.2) '''(0.6) уже \нажать на кнопку /лифта,
49.3 21. *подойти к /лифту,*
50.0 22. *и нажать на кнопку /лифта,*
51.1 23. ... (0.9) tow ... (0.8) мм(0.4) '''(0.9) \дверь в \подъезд /открыта,

Как и сплит, парентеза указывает на высокую степень контроля говорящего над актуальным процессом речепорождения. В ходе построения парентезы говорящий должен сохранить в своей рабочей памяти информацию об объемлющей дискурсивной структуре и достроить эту структуру после завершения парентезы. Это, однако, удается говорящим не всегда; см. следующий раздел.

4. «Односторонние» сплит и парентеза

В некоторых случаях говорящий планирует временный отход от основной линии и сигнализирует об этом сегментными и просодическими средствами, но в ходе развертывания вставки «забывает» ее завершить — это явление мы условно называем «**односторонней**» парентезой. Обычно в таких случаях строка, предшествующая вставке, артикулируется с восходящим главным акцентом, сигнализируя о незавершенности, а иногда содержит и сегментные симптомы незавершенности, например, зависимое придаточное, предполагающее после вставки появление главной клаузы. Начало вставки характеризуется типичными просодическими признаками парентезы (ускорение, снижение тонального регистра и т. д.), однако далее правая граница вставки стирается, последующие порции дискурса связываются непосредственно со вставкой, и предшествовавший вставке просодически и структурно незавершенный фрагмент «повисает», оказываясь не встроенным в дискурсивную структуру. Начало такой вставки оформляется в транскрипте знаком (* (условно именуемым «односторонней скобкой»). Рассмотрим следующий пример:

- (19) 009z
6.6 3. ... (0.6) /Я /первая села в \автобус.
9.8 4. ... (0.6) А /тогда уже д= || ... (0.1) закрывались \двери,
12.8 5. ... (0.1) и /'Аня не -успела \сесть.
14.8 6. ... (0.7) Иw мм(0.4) \когда-а ... (0.2) '''(0.3) ... (0.4) {ЧМОКАНЬЕ 0.2} ... (0.4) когда я приехала на нашу /остановку',
20.9 7. (*А /она ==
21.6 8. ... (0.2) А /Аня ... (0.4) быстро \бегала.
23.8 9. ... (0.2) \Вот,
24.4 10. и /она ... (0.4) \тут же уже /была ... (0.6) \там,
27.6 11. '''(0.2) н-на нашей \остановкеw.

Здесь рассказчица явно задумывала парентезу: основную линию изложения событий когда я приехала на нашу остановку, Аня уже была там требовалось разорвать вставкой, содержащей фоновую информацию Аня быстро бегала. Строка 7 начинается с типичного для начала вставки союза а, но в ходе порождения вставки рассказчица забывает о том, что строка 6 имеет форму придаточного времени с союзом когда, и начинает строку 10 с сочинительного союза и, привязывая эту строку непосредственно к вставке, а не к предшествовавшему вставке придаточному. Трудности с выходом из вставки дополняются здесь еще и явными проблемами с выбором референциального выражения — между именем собственным и анафорическим местоимением.

После односторонней скобки встречается повтор ранее озвученного фрагмента как сигнал возвращения к основной линии⁵, но и он просодически оформляется не как выход из парентезы, а как непосредственное продолжение того, что первоначально замысливалось как вставка, что и отражается в транскрипте в отсутствии закрывающей скобки. Так, в следующем примере строка 123 и /смотрю — это возвращение к строке 116 и /потом вдруг \я-а' ... (0.2) /смотрю, однако просодически строка 123 оформлена как естественное продолжение строк 117—122, без просодических симптомов завершения

⁵ О дискурсивных функциях повторов см. Коротяев 2004.

parentheses (без возвращения к исходному уровню частоты основного тона, смены темпа, громкости и проч.):

- (20) 119n
138.6 116. $\bullet\bullet(0.3)$ и /потом вдруг \я-а' $\bullet\bullet(0.2)$ /смотрю,
140.5 117. (*Там-м /ранчо у нас \издалека,
141.6 118. я /смотрела —
142.0 119. сидела на /крыше,
142.8 120. — $\bullet\bullet\bullet(0.5)$ в \этот,
143.5 121. $\bullet\bullet(0.3)$ \б-бинокль,
144.1 122. $\bullet\bullet\bullet(0.6)$ –вот,
144.9 123. и /смотрю,
145.3 124. какой-то вот молодой /человек —
146.3 125. $\bullet\bullet(0.3)$ \в-виталик,
146.9 126. — $\bullet\bullet\bullet(0.5)$ /чинит \машину.

ЭДЕ перед намеренным, но не завершённым отходом от основной линии может быть и цельной, как в примере (19), и оборванной. Вообще обрыв ЭДЕ — это широко распространённое в устной речи явление, см. Подлеская и Кибрик 2006. В нашей транскрипционной системе обрыв ЭДЕ обозначается знаком =. Один из стандартных примеров обрыва представлен в строке 7 примера (19) выше. Особый интерес представляют обрывы непосредственно перед односторонней парентезой. Это имеет место в следующем примере:

- (21) 073n
3.8 4. $\bullet\bullet\bullet(1.0)$ А за /нами $\bullet\bullet(0.1)$ *как –обычно* =
6.1 5. (*Ну это-о' как бы /сон \повторяется,
7.9 6. и там <|разное | \разные> \всё.
8.7 7. $\bullet\bullet(0.8)$ –Вот,
9.8 8. а за /нами гонится какая-нибудь нечистая \сила,
12.1 9. в /этот раз —
12.6 10. как я \полмню-у,
13.6 11. — /гнались за /нами $\bullet\bullet(0.1)$ \ч-черти.

Специфика обрыва перед односторонней парентезой состоит в том, что соответствующая ЭДЕ исходно замысливается говорящим как первая часть сплита. Так, в примере (21) рассказчик явно намеревался после завершения парентезы, находящейся внутри сплита, закончить клаузу, начатую в строке 4, примерно так: гонится какая-нибудь нечистая \сила, ; однако завершение парентезы «не сложилось», и рассказчику пришлось повторить в строке 8 материал, содержащийся в первой части несостоявшегося сплита. Это явление можно назвать «**односторонним**» **сплитом**.

Показательно, что информация, содержащаяся в одностороннем сплите, может полностью не зачеркиваться. В этом случае последующие порции дискурса, в том числе и сама вставка, оказываются семантически привязаны к этой неполной ЭДЕ (ср. аналогичное наблюдение, сделанное на материале немецкого языка в работе Аuer 2004). Так, в следующем примере вставка, начинающаяся в строке 11 и рассыпающаяся к строке 13, представляет собой уточнение к неопределённому местоимению кто-то в строке 10. При этом эпизод про выбрасывание детей — строка 14 — начинается с повтора союза, но глагол во множественном числе уже не согласуется ни с неопределённым местоимением, ни с именной группой семья пьяниц. Скорее всего, рассказчица не справилась с выбором между кто-то (я даже предполагала кто) выбрасывает детей и у нас живет семья пьяниц, и вот они выбрасывают детей:

- (23) 109n
14.0 10. $\bullet\bullet(0.1)$ и /кто-тов =
14.7 11. $\bullet\bullet(0.2)$ (*Я даже предполагала /кто,
16.2 12. у нас на пятом этаже $\bullet\bullet(0.3)$ живёт= $\bullet\bullet(0.2)$ там \семья /пьяниц,
19.2 13. $\bullet\bullet\bullet(0.5)$ \вот,
19.9 14. и-и' $\bullet\bullet(0.1)$ с пятого /этажа выбрасывают \детей.

5. Заключительные замечания

Данное исследование полностью относится к лингвистике узуса — мы констатируем то, что наблюдаем в корпусе спонтанной, неподготовленной речи. Тем не менее, в заключение можно немного

порассуждать о том, как замеченные явления отражаются в нормированном, кодифицированном языке. Конечно, и сплит, и парентеза, хорошо известны по нормативному, кодифицированному языку — как устному, так и письменному. Как отмечалось выше, эти явления, хотя и не могут считаться каноническими элементами локальной структуры дискурса, возникают в результате высокой степени контроля говорящего над процессом речепроизводства. А такой контроль всегда более полон при подготовленной или письменной речи.

Что касается односторонних сплита и парентезы, они возникают тогда, когда говорящему не хватает ресурсов планирования: он пытается построить достаточно сложную конструкцию, но по ходу дела сбивается и порождает нечто гибридное.

Очевидно, при всех вставочных конструкциях — и в спонтанной, и в подготовленной речи — в основе лежит одна и та же дискурсивная семантика, но реализоваться она может несколько по-разному в зависимости от обстоятельств речепорождения. В этом смысле лингвистика узуса, как описывающая более широкий круг возможных ситуаций, представляет собой более объемлющий подход, нежели лингвистика нормы.

Литература

- Виноградов В. А. 2003. Лингвистика и обучение языку. М.: Academia.
- Гавриленко И. И. 2004. Дополнительная информация в научных текстах: семантические, синтаксические и просодические особенности (на материале русского языка). Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ.
- Кибрик А. А. 2008. Есть ли предложение в устной речи? // А. В. Архипов, Л. М. Захаров, А. А. Кибрик и др. (ред.) Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М.: ЯСК. — 104—115.
- Кибрик А. А., Подлеская В. И. (ред.) 2009. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: ЯСК.
- Коротаев Н. А. 2004. Предикатные повторы в устных рассказах о сновидениях // Обработка текста и когнитивные технологии. Труды VII Международной конференции «Когнитивное моделирование в лингвистике». Москва — Варна. — 319—329.
- Подлеская В. И., Кибрик А. А. 2006. Коррекция в устной монологической речи по данным корпусного исследования // Русский язык в научном освещении, 12 (2). — 7—55.
- Савельева-Трофимова О. А., Кибрик А. А. 2008. Постпозитивные субклаузные единицы в устной речи (на материале корпуса «Рассказы о сновидениях») // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика — 2008». СПб.: СПбГУ. — 350—356.
- Auer, P. 2004. Delayed self-repairs as a structuring device for complex turns in conversation // LiSt — Interaction and Linguistic Structures, 40. — 75—102.
- Clark, H. H., Clark, E. V. 1977. Psychology and language. N. Y.: Harcourt Brace Jovanovich.
- Dehe, N., Wichman, A. 2007. Epistemic parentheticals in discourse: Prosodic cues to pragmatic function // 10th International Pragmatics Conference. Göteborg, Sweden, 8—13 July 2007. Abstracts. International Pragmatics Association. — 35.
- Mann, W. C., Thompson, S. A. 1988. Rhetorical structure theory: toward a functional theory of text organization // Text, 8. — 243—281.
- Marcu, D. 1999. Instructions for manually annotating the discourse structures of texts. URL: www.isi.edu/~marcu/software/manual.ps.gz.